

2. Различия в акцентном распределении затрагивают не только характер восприятия в рамках одного языка, но также позволяют выявить различия в характере восприятия в разных языках и механизм проявления интерференции параметров родной речи при восприятии.

3. Ритмические параметры речи не являются единственным фактором, обуславливающим характер её восприятия. Звучащая речь как комплекс разноуровневых лингвистических и паралингвистических средств представляет собой сложное явление, требующее анализа набора её параметров.

Литература

1. Андреева Д.И. Слог и ритмическая группа как единицы ритма английской речи // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Горького. 1982. Вып. 265. С. 113 – 118.

2. Антипова А.Н. Ритмическая система английской речи : учеб. пособие для пед. ин-тов. М. : Высш. шк., 1984. 119 с.

3. Величкова Л.В. Лингвистика и психолингвистика: проблемы определения единиц // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.1, Гуманитарные науки. Воронеж, 1996. Вып. 2.

4. Калачева С.В. Эволюция русского стиха. М. : МГУ, 1986. 262 с.

5. Савченко А.Н. Образно-эмоциональная функция речи и поэтическая речь. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1978. 128 с.

6. Тимофеев Л. Ритм // Литературная энциклопедия : в 11 т. М. : ОГИЗ РСФСР : Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935. Т. 9. Стб. 700 – 703.

7. Черемисина-Ениколопова Н.В. Законы и правила русской интонации : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 1999. 520 с.

8. Stock E. und Veličkova L. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen. Frankfurt am Main, 2002. 262 S.

Accentual distribution and character of speech perception

There are investigated the rhythmic parameters of sounding speech. The speech rhythm is considered as one of the indicators of emotionality expression in speech. The rhythmic parameters of speech are characterized by the length of the rhythmic groups, the number of accentual syllables in the rhythmic group, the tendencies of their arrangement.

Key words: *sounding speech, rhythmic parameters, rhythmic group, accentual syllable, accentual distribution.*

А.П. ВАСИЛЕНКО
(Брянск)

САМОБЫТНОСТЬ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КЛЮЧЕ

Лингвокультурная специфика фразеологизмов проявляется в их образном основании (внутренней форме), изучение которого способствует раскрытию культурных кодов (смыслов), объясняющих модели поведения и восприятия окружающего мира как в отдельном рассматриваемом языковом сообществе, так и в сопоставлении его с другим.

Ключевые слова: *лингвокультурология, культурный код, внутренняя форма фразеологизма, национально-культурная специфика фразеологизма, языковая картина мира.*

Национально-культурную специфику фразеологизмов русского и французского языков необходимо рассматривать на основе анализа их внутренней формы, где хранятся следы древних культур, упоминания многочисленных этнических элементов, сведения о мифах, легендах, ритуалах и обрядах прошлых эпох, стереотипах и эталонах, содержащихся в русском и французском языках. По сути дела, внутренняя форма фразеологизма – это отражение национальной особенности мышления средствами языка. Методом анализа национально-культурной самобытности фразеологических единиц является культурный комментарий образного основания внутренней формы фразеологизмов в культурно-знаковом пространстве русского и французского языкового сообщества. Современное же сигнификативное значение фразеологизмов является фактически одинаковым в случае сопоставления языков, где основой последнего становится соотносительность фразеологизмов по их значению.

При сравнении фразеологизмов русского и французского языков наблюдается неодинаковое национальное понимание и отражение фактов бытия. «Метод сопоставительного исследования в лингвокультурологии – это семантико-диахроническое сопоставление “картин мира”, запрограммированных в языке» [3]. Иначе говоря, сравнение фразеологизмов в национально-культурном аспекте – это

изучение фразеологических картин мира, и, прежде всего, тех, которые рисуются образным субстратом фразеологизмов, буквально понимаемыми значениями компонентов фразеологизмов.

В определении самобытности фразеологизмов разных языков приходится опираться именно на соотнесение образных оснований внутренних форм устойчивых оборотов. Это основной путь выявления национально-культурной специфики фразеологизмов. При этом сопоставлять можно «поштучно» – русский фразеологизм и французский фразеологизм, синонимические ряды с одинаковым значением (формулируемым по доминанте синонимического ряда), фразеосемантические группы. Все эти виды анализа в совокупности дадут полную картину этнолингвистического характера фразеологизмов разных языков.

В определении национально-культурной специфики большую роль играют также ценностные установки, существующие в каждом языковом социуме. Кажется, многие фразеологизмы не содержат никакой специфики, как, например, приводимые Д.О. Добровольским *лезть на стенку, качать права, не моргнув глазом* [4]. Однако сформированные, как правило, на образно-метафорической основе фразеологизмы так или иначе участвуют в формировании языковой картины мира и тем самым являются по сути дела основанием национальных культур [1].

В.Н. Телия не раз выражала мысль, что культурно-национальная специфичность фразеологизмов заключается также и в том, что их семантику можно интерпретировать в терминах культуры, которая признается национальной по сути [8, с. 214–215].

Культурно-национальная специфика проявляется во фразеологии ещё потому, что значения фразеологизмов интерпретируются с позиции ценностных установок, свойственных менталитету того или иного народа. Если ценностные установки признать релевантными в аспекте национальной культуры, то можно считать культурно-специфическими такие идиомы, как *плевать в потолок, считать ворон, валять дурака* и т.п., т. к. в них выражается стереотипная для русского самосознания установка: «не годится человеку заниматься заведомо пустопорожними, нерезультативными делами» [8, с. 257].

К таким причинам проявления национального характера (и далее – различия) фразеологизма можно отнести этимологическое основание (пути происхождения оборота), которое,

будучи употребимым и понятным в повседневном общении другого, безусловно, не всегда (а то и никогда) проявляется в языке одного сообщества. Приведём некоторые примеры.

Печки и лавочки – ‘о чём-либо домашнем, своём, родном, о чем-либо привычном, обыденном’. *Печки и лавочки* – фольклорные символы. С ними очень тесно связана русская крестьянская жизнь, много русских обычаев, обрядов и поверий. Печь – излюбленное место отдыха престарелых людей. Отдохнуть или спать на печке предлагали обычно дорогим и уважаемым гостям. На печке грелись дети. Печь – символ благосостояния семьи и гостеприимства. Лавкам же отводилось место вдоль трех стен печки. На них сидели, спали, ставили утварь, они были как бы продолжением печи. На лавку клали и с неё выносили покойника. *Печки-лавочки* – это символ повседневной жизни, когда домашние разделяют и пищу, и ночлег, и радости, и горе. В России этот народный оборот получил большое распространение после выхода на экраны и ставшего популярным фильма В.М. Шукшина «Печки-лавочки» (1979).

У этого фразеологизма развилось ещё одно значение – ‘скрытая поддержка в жульнических махинациях’. Это значение связано с обыкновением, принятым в старину в русской деревне: своекорыстный человек, обычно кулак, богач и т.п., приглашал в гости обычно бедного крестьянина и ставил ему выпивку и угощение. Когда гость пьянел, ему предлагали отдохнуть на печке, приговаривая: «Хлеб-соль сном золотят». Предложить отдых на печке, по русскому обычаю, – большая честь. Наутро гость опохмелялся, и тогда хозяин предлагал ему: «А теперь посидим на лавочке, поговорим о делах». И выкладывал свою обычно корыстную просьбу. После такого приёма гостю уже было неудобно отказать. Сделка совершалась, стороны условливались молчать о своем договоре. Когда же люди узнавали об этом, то говорили со злой иронией: «Знаем мы эти печки-лавочки», «У них там свои печки-лавочки» [5, с. 206].

Соотносимым, но не идентичным по значению для данного оборота может стать французский *par compère et par commère* (букв. «по куму и куме») – ‘отражение степени родства’, в то время как русский оборот – ‘объекты домашней мебелировки’.

К этому числу также относятся обороты, значение которых объяснимо после вскрытия мотивирующего основания. В свою оче-

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

редь, последнее выявляет национальные черты, присущие фразеологизмам.

Например, *faire des yeux de merlan* (букв. «делать глаза жареного мерлана») – ‘кокетливо закатывать глаза, строить глазки’. В основе выражения лежит метонимический перенос. Мерлан – сорт рыбы. В переносном значении оно обозначало также цирюльника, изготовителя париков. В XVIII в. было модно носить парики, но их постоянно пачкали мукой, когда обваливали рыбу мерлан, которую собирались жарить. Русский вариант – *строить глазки*.

Другой пример: *secret de Polichinelle* (букв. «секрет Полишинеля»). Если человек просит другого человека сохранить в тайне давно преданное огласке, то в ответ можно услышать: это секрет Полишинеля. Полишинель – это постоянно действующее лицо многих французских пьес (подобно русскому персонажу Петрушка). Он был неизменным главным героем кукольных комедий. Этот персонаж часто смешил публику, сообщая всем *по секрету всему свету* (русский аналог) то, о чем знали и не говорили другие герои пьесы. Отсюда секрет Полишинеля – ‘то, что уже давным-давно всем известно’. Объем значения русского оборота шире (*всему свету*), чем французского, где оно персонифицировано, предметно ориентировано (*Полишинель*).

Ещё одна фразеологическая структура французского языка, которая будет понятна, если её сопоставить с образным основанием русского фразеологизма *что серое, то и волк*. *Il y a à la foire plus d'un âne qui s'appelle Martin* (букв. «на ярмарке больше, чем один осёл по кличке Мартэн»). Когда-то во Франции существовал обычай называть ослов Мартэнами. Поэтому на ярмарках возникали недоразумения в связи с тем, что некоторые крестьяне утверждали, будто бы осёл является их собственностью, поскольку откликается на эту кличку.

Случай, когда носитель русского языка вряд ли станет задумываться над тем, почему о крепком, выносливом, редко болеющем человеке говорят *здоров как бык*. Другое дело, когда та же образная ситуация становится менее понятной в ситуации соприкосновения с французским языком – *se porter comme le Pont-Neuf* (букв. «чувствовать себя как Новый мост»).

Новый мост – старейший и один из наиболее крепких парижских мостов, несмотря на свою старость. Он был построен около четырёхсот лет назад, при Генрихе IV, и соединяет западную часть острова Ситэ (центр Пари-

жа) с обоими берегами Сены. В современной речи, когда хотим сказать по поводу кого-то, что у него крепкое здоровье, скажем, что он себя чувствует, как Новый мост. Прежде мост был очень оживленным, на нём играли фарсы, а прохожие останавливались, чтобы посмотреть выступления актёров и певцов.

В русской символике бык олицетворяет возрождающую, производительную силу. В других случаях символизирует землю и природную мощь. Разумеется, при этом нельзя сказать, что французы не знакомы с животным. Специфика образа заключается в другом. Бык – это сфера повседневной культуры физического труда, а мост – отражение культуры зодчества.

Национальная специфика наблюдается в случаях использования одинакового компонента в составе фразеологизма. Речь идёт о коннотациях в значении, отличающем оборот аналога и оригинала.

Например, символ *рука/bras* в русской структуре в *руке божией* и в следующем французском фразеологизме *bras (main) de Dieu* (букв. «рука (кисть) Бога»). Рука – верхняя конечность от плеча до кончиков пальцев. Данному компоненту противопоставляются французские *bras* – собственно *рука* (полный эквивалент русскому) и *main* – кисть, часть руки от запястья до кончиков пальцев. Несомненно, сам оборот реализует символическое значение ‘власть’, но по-разному представленное. Компоненты *рука* и *кисть* соотносятся по семантическому принципу ‘целое–часть’. Поэтому сама ‘власть’ для русскоговорящих является только всеобъемлющей (компонент *рука*), впрочем, как и для французов – *bras de Dieu*, но вариант *main de Dieu* указывает лишь на часть реализуемой власти. Возможно, это символ не полного вмешательства и руководства судьбами людей со стороны субъекта, а лишь помощь, подсказка, в конце концов поддержка, что позволяет войти в нужное жизненное русло.

Русский фразеологизм *гнуть спину* и французский *plier le dos* (букв. «складывать спину») – ‘унижаться, заискивать, раболепствовать’ [7].

В этих оборотах усматривается сочетание двух денотатов: 1) предметная ситуация, передаваемая словосочетанием в буквальном значении, т.е. реальное действие *гнуть спину* и *складывать спину*; 2) уже переосмысленная ситуация, представленная не в конкретно-предметном, а в абстрагированном виде: ‘состояние униженности, подобострастия низше-

го высшему на социальной лестнице'. Денотат-2 – это обозначаемая фразеологизмом ситуация, представляющая выводное значение или объект фразеологической номинации, она производна, вторична по отношению к денотату-1.

В общем плане оба денотата совпадают, хотя образы «гнуть» и «складывать» – совершенно разные по семантике, скажем, в сфере 'приложения определенного физического усилия' (ср.: гнуть – 'с силой наклонять, придавая форму' и складывать 'перегнув, придать форму').

Русский фразеологизм *висеть на волоске* и французский *ne tenir qu'à un cheveu* (букв. «только и держаться, что за один волос») – 'оказываться в опасности, под угрозой гибели'. Семантическая структура французского оборота приобретает конкретизирующий, скорее лимитативный (компонент-лексема *un cheveu* и грамматическое оформление *ne tenir qu'à*) семантический признак – 'оказываться в крайне опасном положении'. Последнее компенсирует русское 'слабый, тоненький', реализуемое компонентом волосок.

Строить глазки кому и faire de l'œil à qn (букв. «делать глаз кому-либо») – 'игриво, кокетливо поглядывать на кого-либо, кокетничать с кем-либо' [7].

Эти два фразеологизма обладают одинаковым оценочным компонентом – отрицательным отношением говорящего к предмету и одинаковым эмотивным компонентом – неодобрительностью. Но они различаются образным, экспрессивным и стилистическим компонентами: французский относится к разговорным, а русский – к межстилевым. Поэтому эти элементы при сопоставлении фразеологизмов разных языков должны находиться в центре внимания исследователя.

Русский фразеологизм *держат язык за зубами* и французский *tenir sa langue au chaud* (букв. «держат свой язык в тепле»).

Эти фразеологизмы выражают одинаковое значение 'молчать, не болтать, не говорить лишнего, быть осторожным в высказываниях', но обладают разными внутренними формами. В этой связи анализ образа крайне важен при сопоставлении фразеологизмов разных языков. Референция к образу всегда актуальна и при переводе фразеологизмов первостепенна. В частности, приведённые примеры демонстрируют разницу в «молчании»: русские держат язык за зубами, а французы – в тепле: физическое (тепло) и физиологическое основания (зубы).

Русский фразеологизм *белая ночь* и сопоставимый с ним французский *nuit blanche* (букв. «ночь белая»). По компонентному составу приведённые структуры являются абсолютно идентичными, однако на уровне передаваемого ими значения определяется разница.

В основу русского оборота положена особенность некоторых участков поверхности Земли, находящихся за Полярным кругом, где при определенном положении планеты относительно Солнца не наблюдается (или наблюдается частично) переход светлого времени суток (день) в темное (ночь).

Во французском языке данный фразеологизм предпочтительно употребляется со значением 'бессонная ночь', поэтому может возникнуть некоторое фактическое несогласование с русским 'природный феномен'. Как видно, внешняя идентичная организация оригинала и аналога не всегда является показателем их семантической тождественности. Русский фразеологизм обладает более конкретным интенционалом, но более узким экстенционалом по сравнению с французским, который может выражать не только значение 'природный феномен', но и значение 'бессонная ночь'.

Из приводимых примеров видно, насколько различаются образы русских и французских фразеологизмов. Внутренняя форма фразеологизмов обуславливает некоторые семантические и стилистические различия между фразеологизмами одного синонимического ряда, но в любом случае внутренний образ фразеологизмов помогает вскрыть пути формирования фразеологических единиц и их этнической особенности.

Анализ внутренней формы – главный путь показа национально-культурной самобытности фразеологизмов как русского, так и французского языка. Из внутренней формы можно черпать культурное знание: в ней содержатся такие элементы, которые придают фразеологизму национально-культурный колорит. При этом эти элементы могут быть связаны с самыми разнообразными сферами человеческой жизни: с обиходно-эмпирическим опытом народа, сферой материальной культуры, историей народа и т.п.

Конечно, не только образ внутренней формы фразеологизма является поставщиком сведений о национально-культурной самобытности фразеологизма – многое можно ещё видеть в лексической маркированности национальной специфики, в тех компонентах, на основе которых сформировался фразеологизм, в соот-

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

несённости фразеологизмов с той или иной областью жизни языкового социума (например, с обиходно-эмпирическим опытом народа, материальной культурой, историей, различными профессиями и т.п.), в оценочно-эмотивных характеристиках фразеологизмов, в отражении культурных кодов (мифов (мифологем), символов, архетипов, эталонов, ритуалов, стереотипов и т.п.), в отнесённости фразеологизмов к определённым пластам культуры (архетипической, мифологической, библейской, фольклорной, художественно-литературной и т.п.), наконец, в определенной сфере бытования фразеологизмов (просторечные, арготические, книжные и т.п. фразеологизмы).

Во фразеологии русского и французского языков есть много фразеологизмов, выражающих такие значения, которые в языковом социуме вызывают ту или иную эмотивную реакцию (осуждение, неодобрение, пренебрежение, презрение и т.п.). Полагаем, что эти эмотивные характеристики являются в значительной мере универсалиями (т.е. свойственны не одному, а нескольким языкам). Однако фразеологизмы, соотносительные семантически, могут иметь в разных языках различные эмотивные характеристики, что нельзя не признать при определении национально-культурной специфики фразеологических единиц. Оценочно-эмотивная характеристика, очевидно, должна быть признана одной из составляющих национально-культурной картины мира, рисуемой во фразеологии разных языков [2, с. 433 – 468].

Выявление национально-культурной специфики фразеологизмов становится более очевидным при сравнении фразеологизмов разных языков, в нашем случае русского и французского. О выявлении национально-культурной специфики фразеологизмов русского языка относительно некоторого другого языка говорили многие языковеды, в частности Д.О. Добровольский. Такой подход к выявлению национально-культурной специфики он называет сравнительным [4] и предлагает также и интроспективный подход к выявлению национальной специфики фразеологических единиц.

В таком случае предлагается разграничивать культурную специфику применительно к кругу явлений, выделенных на основе сравнительного подхода, и национальную специфику применительно к интроспективному подходу. При всей своей условности такое терминологическое разграничение оправдано тем, что «при сравнительном анализе одним

из важнейших критериев оказывается возводимость установленных межъязыковых различий к специфике соответствующих культур», в то время как интроспективный подход предполагает «обращение к интуиции носителей языка», характеризующих некоторые явления как «свои и только свои», т. е. сугубо национальные [4].

Таким образом, национально-культурная специфика фразеологизмов может быть вскрыта при их интерпретации в аспекте культуры через посредство своих образно-метафорических внутренних форм, ценностных установок, специфичных в разных языках, а также сопоставительного и интроспективного подходов, принимаемых обычно в качестве рабочих приёмов методологического характера.

Для выявления национально-культурной специфики фразеологизмов необходимо решить еще один важный, может быть, даже главный вопрос: что считать национально-культурной спецификой, что вообще считать культурой?

В решении этого вопроса не должно быть крайностей, а также излишней точности. В понимании культуры доминирует несколько направлений: 1) культура – совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеком; такая аксиологическая интерпретация культуры затрагивает ту сферу бытия человека, которую можно назвать миром ценностей; 2) деятельностный подход к пониманию культуры, рассматривающий культуру в контексте личностного становления или характеризующий её как универсальное свойство общественной жизни [6, с. 12 – 13].

Разумеется, эти два подхода не исчерпывают всего многообразия взглядов на культуру. Применительно к лингвокультурологии понимание культуры может позволить исследователям фиксировать «при помощи термина “культура” общее отличие человеческой деятельности от биологических форм жизни, качественное своеобразие исторически конкретных форм этой деятельности при различных этапах общественного развития в рамках определенных эпох, общественно-экономических формаций, этнических общностей (первобытная европейская, античная, русская культура), особенности сознания и поведения людей в конкретных сферах общественной жизни (культура труда, политическая культура, культура мышления), способ жизнедеятельности социальной группы (например, культура

класса) и отдельного индивида (личная культура)» [6, с. 14].

В этой связи приведём пример, когда фразеологизмы одной лингвокультуры становятся достоянием другой лингвокультуры, но при этом в языке-оригинале сохраняется оттенок, не передаваемый оборотами оригинала.

Cherchez la femme (букв. «ищите женщину»). Это выражение часто произносят на французский манер – «шерше-ля-фам» тогда, когда хотят сказать, что виновницей какого-либо события, бедствия, преступления оказывается женщина. Своим появлением фразеологизм обязан роману Александра Дюма-отца «Могикане Парижа». Выражение попало на страницы произведения благодаря действительно жившему в ту эпоху парижскому полицейскому по имени Габриэль де Сартин. Он любил часто повторять *cherchez la femme* по роду своей службы и даже не подозревал, что это сделает его знаменитым.

В синонимическом ряду с приведенной французской структурой могут оказаться русские фразеологизмы *вот где собака зарыта, вот откуда ноги растут, откуда ветер дует*, при этом не один образ не укажет конкретное лицо (*собака, ноги, ветер* – это может быть кто угодно, в том числе и женщина). Французский же оборот определяет объект, скорее даёт ему гендерный идентификатор с оттенком иронии, в отдельных случаях – негодования.

Проследим на другом примере этапы развития семантики заимствованного французского фразеологизма и сравним его укрепившуюся однозначность.

Rideau de fer (букв. «занавес из железа») – железный занавес, отделяющий в противопожарных целях театральную сцену и примыкающие к ней помещения от зрительного зала. Впервые его стали применять в конце XVIII в. во Франции. Одновременно с появлением технического термина в ряде европейских языков развилось и его переносное значение. Сначала выражение «железный занавес» означало ‘отрешенности от жизни’, позже – ‘политическая изоляция страны’, ‘идеологический барьер между народами’.

Мы принимаем именно такое, широко формулируемое понимание культуры применительно к описанию фразеологизмов, потому что оно позволяет вовлечь в круг исследования большее количество фразеологических единиц и отчётливее понять их культурно-национальное своеобразие.

В итоге можно отметить, что ядром национально-культурной особенности фра-

зеологизмов выступает их внутренняя форма. Внутренняя форма определяется как ассоциативно-образный комплекс (образ), служащий основанием интерпретации исходного (буквального) значения, затем производного (переосмысленного) устойчивого оборота.

Культурное своеобразие фразеологизмов сопоставляемых языков технологически можно представить различными способами: комментарием слов-компонентов, отражающих национально-культурные реалии (см. слова-компоненты *самовар, лапоть, щи*, отражающие национально-культурные реалии, например, во фразеологизмах *в Тулу со своим самоваром не ездят, и мы не лаптем щи хлебаем* и т.п.), выяснением того, каким образом фразеологизмы участвуют в формировании языковой картины мира, являясь по сути дела основанием национальных культур, экспликацией культурно-национальной значимости фразеологизмов на основании учёта рефлексивного – бессознательного или осознанного – соотношения живого образа фразеологизма, лежащего в основе внутренней формы, с теми «кодами» культуры, которые известны говорящему.

Настоящими же кодами культуры являются культурные смыслы, представленные в символах, мифах (мифологемах), архетипах, легендах, обрядово-ритуальных формах культуры, обычаях, поверьях, стереотипах, эталонах и т.п. Анализ культурных смыслов, заложенных во внутренних формах фразеологизмов, – это, пожалуй, лучший путь вскрытия национально-культурного своеобразия фразеологических единиц русского и французского языков.

Литература

1. Бирих А.К. К диахроническому анализу фразеологических полей // Вопр. языкознания. 1995. № 4. С. 14 – 21.
2. Бреслав Г.М. Психология эмоций. М. : Смысл : Академия, 2004.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология в аспекте сопоставления и коммуникации // Русское слово в мировой культуре : сб. докл. X конгресса МАПРЯЛ. СПб., 2003. Т. II. С. 68 – 74.
4. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопр. языкознания. 1997. № 6. С. 37 – 48.
5. Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М., 1996.
6. Культурология. XX в. Словарь. СПб., 1997.
7. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь. Более 50000 выражений /

В.Г. Гак, Л.А. Мурадова, И.А. Будницкая [и др.]; под ред. В.Г. Гака. М.: Рус. яз., 2005.

8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

The Russian and French phraseological unit originality in the ethnic and cultural vein

The linguistic and cultural specificity of phraseological units is shown in its figurative base (inner form), study of which contributes to the culture codes (meanings) revelation, explaining the conduct and perception models of the world around both in a separately concerned linguistic society and in comparison with others.

Key words: *linguistic culturology, culture code, phraseological unit inner form, ethnic and cultural specificity of a phraseological unit, linguistic world picture.*

Н.М. БАРАХОЕВА
(Магас)

**О РЕАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ
КОЛИЧЕСТВЕННОЙ
АСПЕКТУАЛЬНОСТИ
В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ**

Рассматриваются типы количественной аспектуальности – итеративность, хабиутальность, мультипликативность, узуальность, раритивность. Описываются грамматические и лексико-грамматические средства передачи указанных значений в ингушском языке. К грамматическим средствам актуализации количественной аспектуальности относятся аналитические и синтетические формы глагола, к лексико-грамматическим средствам – итеративные и семельфактивные глаголы.

Ключевые слова: *аспектуальность, множественность действия, итератив, раритив, хабиуталис, узуальность.*

В результате исследования мы подразделяем типы аспекта в ингушском языке в зависимости от его семантики на аспекты качественного и количественного характера. Средства

актуализации данных значений в ингушском языке могут быть как чисто морфологическими, так и лексико-грамматическими. Средства актуализации аспектных признаков переплетаются, на наш взгляд, переходя из разряда лексических в разряд морфологических.

Мы предприняли попытку осветить показатели количественной аспектуальности, т.е. глагольной множественности действия в ингушском языке, которая рассматривается в типологической лингвистике как наименее грамматикализованное значение. В работе В.С. Храковского была представлена система возможных типов множественности ситуаций [5]. Изложение проблем, связанных с описанием кратности в естественных языках, в частности в русском, представлено также в коллективной монографии под редакцией А.В. Бондарко [1], в которой раздел, посвященный изучению проблематики кратности, также составлен В.С. Храковским.

Итак, значения количественной аспектуальности представляют действие с точки зрения его повторяемости или кратности. В лингвистике семантика кратности рассматривается как состоящая из трех компонентов: 1) семантические классы глаголов, сочетающиеся со значениями признака кратности; 2) слова и словосочетания, лексически выражающие значения признака кратности и соответственно сочетающиеся с семантическими классами глаголов, образующими первый компонент; 3) грамматические категории (или любые грамматикализованные средства), специально предназначенные для выражения значений данного семантического признака [1, с. 127]. Очевидно, что первые два компонента семантической зоны кратности являются для естественных языков универсальными. Что же касается третьего компонента данной зоны, то здесь ту универсальность, которая характерна для первых двух компонентов, обнаружить не удастся.

При характеристике компонентов, участвующих в реализации значения кратности, обращаем внимание на следующие факторы. Глаголы, имеющие признак кратности, выражают квантифицируемые действия [1, с. 127]. Глаголы, обозначающие постоянные свойства, устойчивые (ментальные или эмоциональные) характеристики, не сочетаются с признаком кратности ситуации [3, с. 223]. В качестве глаголов, выражающих ментальные или эмоциональные состояния, используются в ин-